

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080013506-3

КОНФУЦИАНСКОЕ КАНОНОВЕДЕНИЕ ЭПОХИ СУЙ
И СУДЬБА СЕВЕРНОЙ ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
(IV–нач. VII вв.)

© 2021

О.А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ^а^а – Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-9525-377X; olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

Резюме: Конфуцианское канонведение эпохи Южных и Северных династий, а также недолгого периода правления дома Суй, нередко считается упадком традиционной науки о канонах. На Юге конфуцианство находилось под сильным влиянием синкретического учения сюаньсюэ, также и система образования и интеллектуальная деятельность стали выстраиваться по принципу активного взаимодействия буддийского, конфуцианского и даосского учений. Конфуцианство на Севере, наоборот, приобрело инструментальный характер справочника по ритуальной практике и, в целом, взяло курс на сохранение восточноханьской учености. В конце VI в. состоялось политическое объединение Китая после веков раздробленности, и это положило начало борьбе не только между разными политическими, но и интеллектуальными фракциями. Конфуцианской экзегетике этого периода редко уделяется специальное внимание, поскольку она выглядит переходным явлением, просуществовавшим недолго и лишь предварившим канонovedческие реформы эпохи Тан.

Вместе с тем, изучение особенностей экзегетической практики и причин упадка Северной школы необходимо для понимания дальнейшего развития конфуцианской экзегетической мысли. Данная статья прослеживает становление Северной школы, взаимодействие северных и южных ученых в первые годы после объединения Китая, а также анализирует причины ухода северных экзегетов со значимых позиций в канонovedческой деятельности. Научные разногласия, личные обиды и отсутствие необходимых научных связей привело к тому, что в первой половине VII в. северная линия учительского преемства потеряла официальную поддержку, и исторический выбор был сделан в пользу южных комментариев. Детальные и строгие северные комментарии продолжали сохраняться на правах научных справочников. К их помощи впоследствии часто обращались, однако эталоном экзегетического исследования они уже не являлись, что знаменовало собой завершение конфуцианской экзегетики раннего Средневековья и во многом определило ее будущее развитие.

Ключевые слова: конфуцианская экзегетика, канонведение, конфуцианство, цзин сюэ, Пятиканоние, комментарий, Южные и Северные династии, династия Суй, Лю Сюань, Лю Чжо, Кун Инда.

Для цитирования: Бонч-Осмоловская О.А. Конфуцианское канонведение эпохи Суй и судьба северной экзегетической школы (IV–нач. VII вв.). *Восток (Oriens)*. 2021. № 1. С. 106–117. DOI: 10.31857/S086919080013506-3

CONFUCIAN CLASSICAL STUDIES IN THE SUI PERIOD
AND THE FATE OF THE NORTHERN EXEGETICAL SCHOOL
(4th century AD – beginning of the 7th century AD)

© 2021

Olga A. BONCH-OSMOLOVSKAYA^a

^a – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-9525-377X; olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

Abstract: *Confucian Classical studies during the Southern and Northern dynasties period, as well as during the short period of the rule of the Sui dynasty, are often considered as a decline of traditional Classical scholarship. In the North Confucianism acquired an instrumental function as a guide to ritual practice and, in general, took a course towards preserving the Eastern Han scholarship. By the end of the 6th century when China, finally, was reunified after centuries of political disunity, a struggle between different political and scholarly factions began. Confucian exegesis of this period rarely receives special attention, since it looks like a transitional phenomenon that did not last long and only preceded the exegetical reforms of the Tang period.*

At the same time, an analysis of the features of interpretive practice and the reasons for the decline of the Northern school is necessary to understand the further development of Confucian exegetical thought. This article traces the formation of the Northern school, the interaction of northern and southern scholars in the first years after the unification of China, and studies the reasons why did northern exegetes quit the stage of Classical studies. Scholarly disagreements, personal grievances and the lack of necessary intellectual connections led to the fact that in the first half of the 7th century the northern line of teaching succession lost official support and the historical choice was made in favour of the southern commentaries. This choice marked the end of Early Medieval Confucian exegetics and largely determined its future development.

Keywords: Confucian exegetics, Classical studies, Confucianism, *jing xue*, Five Classics, commentary, Southern and Northern dynasties, Sui dynasty, Liu Xuan, Liu Zhuo, Kong Yingda.

For citation: Bonch-Osmolovskaya O.A. Confucian Classical Studies in the Sui Period and the Fate of the Northern Exegetical School (4th century AD – beginning of the 7th century AD). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 1. Pp. 106–117. DOI: 10.31857/S086919080013506-3

ВВЕДЕНИЕ

Конфуцианская наука о канонах (*цзин сюэ* 經學) представляет собой сложное явление интеллектуальной истории Китая, активно развивавшееся и наращивавшее обширное письменное наследие со II в. до н.э. до начала XX в. н.э. После канонизации первых пяти книг (*У цзин* 五經 «Пятиканоние»)¹ последовал длительный период развития конфуцианской экзегетической мысли в эпоху Хань 漢 (202 г. до н. э.–220 г. н. э.). Тогда были сформированы основные течения конфуцианского каноноведения, актуальность противостояния между которыми не исчезала на протяжении практически двух тысячелетий². Большой интерес

¹ В его состав входят следующие тексты: *Шуцзин* 書經 («Книга документов», тж. *Шаншу* 尚書, «Чтимая книга»; далее – *Документы*), *Шицзин* 詩經 («Канон стихов», «Канон песен», «Книга песен», «Канон поэзии», «Канон песнопений», далее – *Песни*), «Канон перемен» 易經 (тж. «Книга перемен», далее – *Перемены*), *Чуньцю* 春秋 («Весны и осени», далее – *Чуньцю*), *Ли цзи* 禮記 («Записки о ритуале», далее – *Ли цзи*).

² Подробнее см.: [Nylan, 1994; van Ess, 1994].

вызывает ситуация, сложившаяся в конфуцианской экзегетике в период кризиса ханьской государственности и затем в эпоху Троецарствия³. В целом, история раннесредневекового конфуцианства включает в себя период Шести династий (Лючао 六朝, 220–589 гг.) и империи Суй 隋 (589–618 гг.), когда канонведение сначала было расколото на северную и южную школы (как регионально, так и интеллектуально)⁴, а затем прошло очень непростой этап объединения в новый единый стандарт образовательной системы в начале Тан.

Среди этих периодов особенно выделяется время политического раскола на Южные и Северные династии, когда конфуцианскому канонведению пришлось приспособливаться, в первом случае – к сближению с буддизмом и даосизмом, а во втором – к нуждам завоевавших север Китая кочевников, стремившихся к воспроизведению китайской государственности и учености. Причем если интеллектуальная жизнь Южных династий изучена достаточно детально, то что именно происходило с конфуцианством и канонведением на Севере, пока фактически не выходит за рамки известного утверждения из династийной истории *Суй шу*: «Южане кратки и ясны, обрели свою славу. Северная наука глубока и запутана, исчерпала себя в несущественном» [*Суй шу*, 75/1706].

ЗАДАЧА

Данная статья представляет собой одно из серии исследований в рамках решения большой проблемы по выявлению специфики и динамики развития конфуцианской экзегетической мысли раннесредневекового Китая⁵. В предыдущих своих статьях мы уже рассматривали различные аспекты канонведения в эпоху Хань и в период Троецарствия.⁶ В настоящей работе акцент сделан на экзегетической практике северной школы во второй половине IV в. – первой половине VII в. Это обусловлено рядом причин: во-первых, малоизученностью письменного наследия северных конфуцианцев, во-вторых, необходимостью выявления значения северной экзегетики для истории конфуцианского канонведения в целом. В связи с тем, что обозначенные причины требуют достаточно обширного исследования, мы ограничим задачу настоящей статьи определением проблемного поля северной экзегетики. Данную задачу можно конкретизировать следующим образом: (1) установить методологическую базу и направление исследований конфуцианских экзегетов при Северных династиях; (2) выявить уникальные характеристики северной экзегетики в сравнении с канонведением при Хань и при Южных династиях; (3) проанализировать причины кризиса и заката северной экзегетической школы.

КОНФУЦИАНСКОЕ КАНОНВЕДЕНИЕ ПРИ СЕВЕРНЫХ ДИНАСТИЯХ: МЕТОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Говоря о проблемном поле северной экзегетики, необходимо отметить несколько базовых особенностей интеллектуальной жизни северного Китая того времени.

³ М. Фармер анализируют некоторые особенности экзегетической традиции царства Шу эпохи Троецарствия [Farmer, 2014], основные изменения, произошедшие в конфуцианском канонведении на рубеже Восточной Хань и эпохи Троецарствия, были рассмотрены в нашей недавней статье, см.: [Бонч-Осмоловская, 2021].

⁴ Конфуцианскому канонведению периода Южный и Северных династий пока посвящено немного работ, выделим монографию [Цзяо Гуймэй, 2009].

⁵ Под раннесредневековым периодом истории конфуцианской экзегетической мысли мы понимаем время от крушения империи Хань до восстановления политического и культурного единства при Тан, потому что именно в этих рамках получается проследить, что происходило с конфуцианским с пост-ханьским канонведением, его раскол, появление новых типов комментариев и затем объединение при Тан. О проблемах определения Средневековья в Китае, см.: [Кравцова, 2010, с. 45–57].

⁶ См.: [Бонч-Осмоловская, 2020; 2021].

Во-первых, в сравнении с южными конфуцианскими учеными IV–VI вв., их северные коллеги были не столь увлечены идеями *сюаньсюэ* 玄學 (учение о таинственном)⁷. В этом смысле северная экзегетика не могла сравниться с южной по уровню философской спекуляции, равно как и проблематика ее исследований синкретическое философское учение не включала.

Во-вторых, немалую роль в определении направления развития северного каноноведения сыграла этническая составляющая китайского Севера. Организация и поддержание государственности требовала от кочевых народностей, доминировавших на севере, привлечения на службу китайских чиновников и ученых⁸. Воспитание новых кадров должно было производиться на прочной основе, и для северян этой основой стало конфуцианство, законсервированное в поздних вариантах. Так, для северян классическими стали следующие тексты: *Чуньцю Цзо чжуань* с комментарием восточноханьского ученого Фу Цяня 服虔 (III в.), *Документы*, *Перемены*, ритуальные каноны, *Луньюй* и *Сяоцин* («Канон сыновней почтительности») с комментариями Чжэн Сюаня и *Песни* в версии Мао, тоже с комментарием Чжэн Сюаня [*Бэй ши*, 81-1/2709]⁹.

При Северной Вэй 北魏¹⁰, благодаря относительной стабильности и долговечности режима, сложилась благоприятная обстановка для установления основных приоритетов северной экзегетики, – помимо изучения канонов в парадигме Чжэн Сюаня, акцент был сделан на исследовании ритуальной практики и текстологии канона, т.е. методологическом сближении с ханьской экзегезой. Поэтому на Севере можно встретить таких ученых, как Ли Сюань 李鉉 (кон. V–VI вв.): «Читал *Шо вэнь* [цзе цзы], [Сань] цан, [Эр] я, сократил и исправил неверные иероглифы в шести канонах и комментариях к ним, это сочинение называлось “Различение знаков” (字辨 Цзы бянь)» [*Бэй Ци шу*, 44/585]. Это направление экзегетики на юге вышло из моды несколько сотен лет назад и такие исследования там практически не проводились.

Наиболее известный конфуцианский наставник на Севере – Сюй Цзуньмин 徐遵命 (475–529), блюститель учения Чжэн Сюаня, лично или опосредованно через своих учеников обучал всех основных представителей северного конфуцианства [*Бэй Ци шу*, 44/583; *Бэй ши*, 81-1/2708]. До сегодняшнего дня частично дошел комментарий его ученика Сюн Аньшэна 熊安生 (VI в.) – *Ли цзи и шу* 禮記義疏 («Субкомментарий к смыслу “Записок о ритуале”»)¹¹.

Среди других научно-критических исследований северной традиции отметим комментарий Лю Фана 劉芳 (453–513) к *Песням* и *Ли цзи*: *Мао ши цзянь инь чжэн* 毛詩箋音證 («Доказательства к глоссам из субкомментария-цзянь [Чжэн Сюаня] к *Песням* [в версии господина] Мао») и *Ли цзи и чжэн* 禮記義證 («Доказательства к смыслу *Ли цзи*»)¹². Нововведением Лю Фана был новый маркер для сочинений – «доказательство»-чжэн 證,

⁷ Например, в «Биографиях конфуцианцев» из *Бэй ши* нет ни одного упоминания о том, чтобы кто-то из северных канонистов занимался текстами *Лао-цзы* или *Чжуан-цзы*, а текст *Перемен* в своем подавляющем большинстве они восприняли с комментариями восточноханьского канониста Чжэн Сюаня 鄭玄 (127–200), а не Ван Би 王弼 (226–249) [*Бэй ши*, 81-1, 81-2].

⁸ См. подробнее: [У Яньнань, 2010, с. 191–192, 201–202].

⁹ В то время как на юге комментарии Чжэн Сюаня сохраняли лидирующее положение только в сфере ритуалов.

¹⁰ Места *боши* по пяти канонам впервые были утверждены императором У-ди (Тоба Гуй 拓跋珪, прав. 386–409) в 399 г. [*Вэй шу*, 2/35]. При этом конец IV в. ознаменовался еще одним важным событием, имевшим большое влияние на культуру Севера (да и всего Китая в целом) — прибытие Кумарадживы ко двору Поздней Цинь 後秦 (384–417) и его масштабная деятельность по переводу буддийского канона. По времени это как раз совпало с основанием Северной Вэй, правители которой, особенно с правления Тай У-ди (Тоба Шоу 拓跋壽, прав. 424–452), почитали буддийское учение, подробнее см.: [*Вэй шу*, 114].

¹¹ Комментарий частично восстановлен в цинском сборнике Ма Гоханя, см.: [ЮХШ, 1990].

¹² Комментарий Лю Фана к *Ли цзи* частично восстановлен в сборнике Ма Гоханя.

тип комментария, который неслучайно станет основным воплощением экзегетики много позднее, при династии Цин 清 (1616–1912), своим идеалом считавшей ханскую учёность, так же, как и представители северного конфуцианства.

Отсюда можно сделать несколько выводов: в качестве базиса северяне выбрали ханскую экзегетическую парадигму, что подразумевало: (1) использование ханских комментариев в качестве базовых; (2) методологическую зависимость от ханской экзегетики (особенно это касалось уклона в текстологию и составление глосс *сюнь гу* 訓詁).

СУЙСКОЕ КАНОНОВЕДЕНИЕ: НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Завершением этапа политического и культурного раскола Китая на Север и Юг, стало объединение страны под властью Ян Цзяня 楊堅 (Суй Вэнь-ди 隋文帝, прав. 581–604), основателя империи Суй. Именно в первые двадцать лет после объединения страны решалось, какая партия утвердит свою линию при дворе, поэтому в первую очередь борьба шла за места в Великом училище Тайсюэ и Училище сынов отечества Гоцзысюэ.

Судя по назначениям, которые Ян Цзянь проводил в начале своего правления, он был склонен поддерживать северных ученых – ритуальную систему утверждал бывший северожоуский историограф Ню Хун 牛弘 (545–610), места *боши* получили его друзья – эрудит по всему Пятиканонию Фан Хуэйюань 房暉遠 (531–602) и специалист по ритуалам Синь Яньчжи 辛彥之 (ум. 691). Кроме того, ко двору были призваны «шаньдунские специалисты по изучению смысла [канонов]», все шестеро получили места *боши* [Суй шу, 75/1717]. При этом формировавшаяся при дворе южная партия явно не хотела уступать свои позиции «провинциалам» с севера – Суй шу сообщает, что поскольку «все они были из захолустья и не знали норм этикета, при дворе их не ценили» [Суй шу, 75/1717]. Для большинства из них придворная карьера закончилась плачевно или, как минимум, неудачно – кто умер по болезни, кто был отослан подальше от столицы¹³.

Главой профессората был назначен Юань Шань 元善, происходивший из аристократического сяньбийского рода, очень влиятельного при Северной Вэй¹⁴. Его назначение выглядит как своеобразный компромисс между северной и южной традициями, так как он пользовался авторитетом у обеих сторон. Другим главой профессората стал Су Вэй 蘇威 (542–623), также знатный северянин. О натянутых отношениях с южанами говорит такой случай с его сыном Су Куем 蘇夔. Он вел дискуссии (*и* 議) с известным южным ученым Хэ То 何妥 относительно музыки и, поскольку большинство придворных поддерживали Су Вэя, то и тут многие чиновники встали на сторону его сына Су Куя, что вывело Хэ То из себя: «Я более сорока лет кладу посох длиной в *чжан* между чиновками¹⁵, а унижаюсь перед каким-то несмышленным болваном!» [Суй шу, 41/1587]. В результате Су Куй и некоторые поддержавшие его чиновники были наказаны и лишены должностей. Су Вэй и сам ссорился с Хэ То: «[Даже если] не будет Хэ То, не нужно переживать, что [в Училище] не станет профессоров!», на что Хэ То нашелся, что ответить: «[Даже если] не будет Су Вэя, тоже не стоит волноваться, что некому будет заниматься политикой!» [Суй шу, 75/1712]. Таким образом, ситуация была достаточно неустойчивая, изначально у северян был определен-

¹³ Только одному из них, Ма Гуану удалось утвердить своей авторитет – в его жизнеописании сообщается, что после Сюаньшэна он стал основным специалистом по ритуальным текстам.

¹⁴ Его отец Юань Ло в свое время сдался лянскому У-ди, поэтому Юань Шань получил образование на Юге, а во время смуты Хоу Цзиня (548–552) бежал обратно на север в Чжоу [Суй шу, 75/1707].

¹⁵ Выражение «класть посох длиной в *чжан* между чиновками» значит «заниматься учеными занятиями», «слушать лекции», так как традиционно в школах расстояние между чиновками учителя и ученика измеряли с помощью посоха. Выражение происходит из [Ли цзи, 2/1239].

ный численный перевес, но с завоеванием царства Чэнь и окончательным присоединением Юга, южные чиновники и ученые начали активнее проникать в государственный аппарат, создавая серьезную конкуренцию северной партии.

Заметный перевес в сторону южан стал заметен только при Ян Гуане 楊廣 (Ян-ди, прав. 604–618). В начале годов правления под девизом Да-е, советник министерства церемоний Сюй Шаньсинь 許善心 (558–618)¹⁶, рекомендовал на должности *боши* представителей южной интеллигенции, которые заняли в Училище основные направления, соответственно – *Цзо чжуань* в версии Сюй Вэньюаня 徐文遠, *Ритуалы* в версии Чу Хуэя 褚徽, *Песни* – Лу Шида 魯世達, *Перемены* – Лу Дэмина 陸德明 (ок. 550–630) [ЦТШ, 189-1/4943]. Ученым-секретарем при Ян-ди также стал южанин Гу Бяо 顧彪, специалист по *Документам* и *Чунью* [Суй шу, 75/1724].

Суйское каноноведение, появившееся как результат северной учености позднего периода, познакомившейся с южными экзегетическими трудами, в первую очередь, воплотилось в трудах двух ученых – Лю Сюане 劉炫 (546–613) и Лю Чжо 劉焯 (544–610). Их судьбы и сочинения наглядно отражают последний этап развития северного конфуцианства.

Лю Сюань и его ближайший друг Лю Чжо получили классическое северное образование, вместе обучаясь у знаменитых наставников, *Ритуалам* – у Сюн Аньшэна, *Песням* – у Лю Гуйсы 劉軌思, *Цзо чжуань* – у Го Мао 郭懋 [Бэй ши, 82/2762–2767]¹⁷. Лю Сюань отличался особенной энергией в деле изучения канонов, прокомментировав все, за исключением *Перемен*, в которых, как он сам признавался, разбирался поверхностно [Бэй ши, 82/2764]. Его визитной карточкой стали субкомментарии-шу, которые он называл шу и 述義 – «изложение смысла». Эти комментарии представляют собой интересное сочетание северной педантичности и южного вольнодумства. Первое – потому что, образованный по северным стандартам, Лю Сюань блистал невероятной эрудицией, а второе, – потому что это многознание, позволявшее без особенного труда находить ошибки в работах предшественников, заставляло Лю Сюаня нарушать правила школьного преемства знаний и выступать против всех. Например, изучив южные комментарии и, в первую очередь, комментарий Ду Юя 杜預 (222–285) к *Цзо чжуань* он на его основе составил субкомментарий (шу и) к тексту *Цзо*, параллельно написав несколько отдельных сочинений: *Чунью зуй го* 春秋規過 («Поучение об исправлении ошибок *Чунью*») и *Чунью гун мэи* 春秋攻昧 («Атакуя темное невежество *Чунью*») – оба направлены на выявление и исправление ошибок в комментариях Ду Юя¹⁸.

Однако талант сыграл с ним злую шутку, потому что, когда Ню Хун проводил акцию по сбору рукописей в императорскую библиотеку, Лю Сюань подделал две рукописи и ради заработка продал их сборщикам. Он считал, что никто не сможет распознать подделку, однако случилось наоборот, и в результате он был вынужден оставить должность и уехать домой, заняться частным преподаванием [Суй шу, 75/1720]. При Ян-ди ему удалось вернуться на службу, однако низкий ранг и явная недоброжелательность к нему многих коллег снова заставили его уехать домой¹⁹. Это совпало с поднявшейся по всей стране смутой,

¹⁶ Сюй Шаньсинь изначально был ученым царства Чэнь и искренне горевал при его завоевании, однако Ян Цзянь, наоборот, очень оценил эту преданность и пригласил к себе на службу [Суй шу, 58/1424–1425].

¹⁷ Друзья разделяли многие идеи при комментировании канонических текстов, так, что в более поздних источниках нередко ссылаются сразу на «двух Люев» (*эр Лю*), поскольку они часто работали вместе.

¹⁸ Большинство сочинений Лю Сюаня частично сохранилось и содержится в сборнике Ма Гоханя.

¹⁹ Как бы плохо к Лю Сюаню не относились современники, влияние его исследований на последующую экзегетику было так значительно, что о нем стали говорить, как о втором Чжэнь Сюане: «Великое достижение, обобщившее [опыт] двух Хань — это Канчэн, [а] великое достижение, обобщившее [опыт] эпохи Шести династий — это Гуанбо. С древности много было тех, кто комментировал (*чжу*) каноны, но никто еще не превзошел Канчэна. Много, кто [писал] субкомментарии (*шу*) к комментариям, но никто еще не превзошел Гуанбо» [ШИШИИ, 8/482].

сопровождая суйские войны против Кореи, у Лю Сюаня не стало учеников, и он вместе с семьей умер с голоду [Суй шу, 75/1723].

Карьера Лю Чжо сложилась не многим более удачно. Сначала он тоже прибыл ко двору и участвовал в обсуждении сложных вопросов о канонах. Дискуссии проходили очень ожесточенно, никто не хотел уступать оппоненту, только мнению Лю Чжо никто не мог ничего противопоставить [Суй шу, 75/1718]. В 586 г. из Лояна были привезены каноны, вырезанные на камне, и поскольку многие иероглифы уже стерлись, встал вопрос об их дешифровке. Никто не мог справиться с этой задачей, поэтому императорским рескриптом эту работу поручили Лю Сюаню и Лю Чжо. С задачей они справились блестяще, однако это, как говорится в *Суй шу*, «глубочайшим образом посрамило всех [придворных] конфуцианцев» и вызвало к ним, особенно к Лю Чжо, неприкрытую зависть и ненависть. Результатом стала докладная, порочащая имя Лю Чжо, после чего его разжаловали в простолюдины [Суй шу, 75/1718]. Лю Чжо тоже пришлось заняться частным преподаванием²⁰, годы спустя он на некоторое время вернулся в столицу на должность *боши*, но по болезни был вынужден вернуться домой.

Таким образом, суйское каноноведение в первую очередь, характеризуется начавшимся объединением южной и северной экзегетических традиций, пребывавших в разобщении почти двести лет. Это выразилось в начавшейся полемике между северными и южными учеными, что нарушило определенную замкнутость двух традиций, до этого более сконцентрированных каждая на своей проблематике.

КРИЗИС И ЗАКАТ СЕВЕРНОЙ ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Поворотным моментом в истории конфуцианской экзегетики после периода разделения на Север и Юг, стало подведение итогов в ходе редакции, пересмотра и компиляции всех скопившихся материалов (канонов, комментариев и субкомментариев) в один нормативный, одобренный официальной властью, сборник – *У цзин чжэн и 五經正義* («Выверенный смысл Пятиканония»). Официально в этом сборнике выбор был сделан в пользу «южной науки», что фактически отодвинуло северную школу на задний план, а северные комментарии в своем большинстве были подвергнуты сильной критике. В высшей степени любопытным в данном случае выглядит то, что несмотря на эту официальную критическую версию, четыре важнейших на тот момент канона (*Песни, Документы, Ли цзи, Чуньцю Цзо чжуань*) вошли в сборник с субкомментариями, составленными на основе работ северных ученых²¹. Причины такого поворота необходимо проанализировать отдельно.

В предисловии к *Ли цзи чжэн и 禮記正義* («Выправленный смысл “Записок о ритуале”»), танский ученый Кун Инда 孔穎達 (574–648) пишет, что северянин Сюн Аньшэн «идет против [текста] основного канона, много цитирует сторонние источники», поэтому субкомментарий Хуан Каня²² предпочтительнее, хотя то, «чего в нем не хватает, будет восполняться из субкомментария господина Сюна» [Ли цзи, Сюй/1222–1223]. Эта оценка представляет большой интерес для нашего исследования, так как, по сути, она не объясняет причину предпочтения одного комментария другому, хотя бы потому, что Хуан Кань на деле гораздо чаще расходится с комментарием Чжэн Сюаня, а его уровень владения источниками не был так высок, как у Сюн Аньшэна.

²⁰ Лю Чжо, как и его лучший друг Лю Сюань, много критиковал предшественников (включая Цзя Куя, Ма Жуня, Ван Су, Чжэн Сюаня).

²¹ Помимо *Песен, Документов и Цзо чжуани* с субкомментариями Лю Сюаня и Лю Чжо, выше уже говорилось, что ритуальный текст *Ли цзи* был включен в сборник с субкомментарием Сюн Аньшэна.

²² Субкомментарий Хуан Каня частично восстановлен в сборнике Ма Гоханя.

Формально оба субкомментария Хуан Каня и Сюн Аньшэна относятся к типу *и шу* 義疏 (субкомментарий к смыслу), оба цитируют мнения других комментаторов, порой делая собственные заключения. Кун Инда на официальном уровне предпочел Хуан Каня, но в самом субкомментарии интерпретации Сюна используется очень часто, а отдельно взятое мнение Хуан Каня нередко критикуется. Например, в главе *Ли юнь* («Действенность ритуала» 禮運) мнение Хуан Каня признается ложным четыре раза, два раза в сравнении с мнением Сюн Аньшэна [Ли цзи, 21/1416], комментарий которого привлекается в пятнадцати случаях и везде признается верным. Другие главы также демонстрируют достаточно критическое отношение к комментарию Хуан Каня, в то время как трактовка Сюн Аньшэна, если и периодически признается спорной, все равно остается авторитетной.

Влияние суйского каноноведения реализовалось в том, что три субкомментария из сборника *У цзин чжэнь и* были написаны именно на основе субкомментариев Лю Сюаня – к *Песням*, к *Цзо чжуань* и к *Документам* (последний – совместный с Лю Чжо). Лю Сюань и Лю Чжо – единственные ученые и авторы субкомментариев, о которых Кун Инда говорит очень много во введениях к своим комментариям, подробно анализируя и их гениальность, и недостатки. Например, в предисловии к *Шан шу чжэнь и* («Выправленный смысл “Почитаемой книги”/Документов») Кун Инда пишет: «Субкомментарии Лю Сюаня и Лю Чжо – самые подробные и изящные. Однако Чжо [самопроизвольно] плетет²³ канонический текст, притягивает за уши объяснения, софистически [выдвигает] новое мнение, расходится с [мнением] прежних конфуцианцев. Неопасное делает опасным, там, где нет [сложного] смысла, порождает смыслы. Я скромно рассмотрел речи и обращения древних людей²⁴, в выражении чувств, даже если [они] иногда используют [неочевидные] образы, вовсе необязательно, чтобы в каждом слове содержался такой смысл. А если в их словах непременно был вложен [такой] расчет, то весь канон был бы [составлен на основе] парных слов и фраз²⁵. Это поднимало бы свирепые волны в тихом море и трепало ожесточенным вихрем тихие деревья – заставляло бы учителей страдать и много сомневаться, а учащихся – трудиться без особого результата. Все хорошо в меру, именно по этой причине [я] все это написал.

[Лю] Сюань досадовал на Чжо за запутанность и сумбурность. [Он] основывался на его достижениях, а многие места сократил. Несмотря на то, что [текст стал выглядеть] немного лаконичнее и яснее, [Сюань] тоже любил полностью перестраивать прежний смысл, [в итоге] смысла поубавилось, зато слова стали слишком цветистые. Хоть у [Лю Сюаня] и талантливый слог, это не тот путь, которым наставляют и поощряют [своих учеников]. По смыслу – нет никакого смысла, по стилю – и стиль не тот! [Имея] желание руководить молодым поколением, как можно стать их лидером [используя такие методы]? Это и есть ошибка [Лю] Сюаня, отнюдь не преимущество» [ШШЧИ, Сюй/110].

Лю Сюань и Лю Чжо поплатились за свою любовь критиковать предшественников, в конечном счете, сами оказавшись под ударами критики. Получалось, что северная экзегетика была лишена официального статуса якобы из-за многочисленных недостатков, однако на деле ее достижения были задействованы самым активным образом.

В этой ситуации большая ответственность лежала на Кун Инда, занявшего пост главы профессората (*цзицзю* 祭酒) Императорского Училища. Кун Инда, выступивший против северной традиции, сам был северянином, родился в конце правления династии Северная Ци (в 574 г.) и период его ученичества как раз упал на периоды Северная Чжоу и Суй. Из

²³ Имеется в виду, «придумывает то, чего не существует».

²⁴ Т.е. текст *Документов*.

²⁵ Имеется в виду, что текст канона образовывался бы при помощи игры со словами и фразами, имеющими синонимичный и антонимичный смыслы.

его жизнеописания в *Цзо Тан шу* узнаем, что единственный, у кого Кун Инда в юности обучался, был не кто иной, как сам Лю Чжо [ЦТШ, 73/2601].

Из этого следует, что Кун Инда был напрямую связан с северной линией учительской преемственности, но как получилось, что Кун Инда, ревностно оберегавший правила учительского преемства, стал открыто критиковать своего наставника? Дело в том, что их отношения закончились скандалом и были прерваны на нехорошей ноте. Лю Чжо был одним из самых знаменитых наставников в начале Суй, и к нему стекалось огромное количество учеников [Суй шу, 75/1719]. Среди этих учеников был и Кун Инда, однако Лю Чжо поначалу отнесся к нему пренебрежительно, юноше пришлось специально задавать сложные вопросы, в ходе обсуждения которых, он проявил себя талантливо и оригинально. Только после этого Лю Чжо изменил к нему свое отношение, но теперь уже Кун Инда, потомок Конфуция в 31-ом поколении, был оскорблен и, несмотря на просьбы учителя остаться и продолжить обучение, настоял на отъезде домой. После этого Кун Инда сам стал преподавать, а его период обучения закончился [ЦТШ, 73/2601]. Кто же знал, что десятки лет спустя именно Кун Инда будет оценивать, какие комментарии считать авторитетными, а какие – нет?

Так Кун Инда, фактически, порвал свою связь с северной учительской преемственностью, что дало ему право, не нарушая никаких формальных правил, занять критическую позицию по отношению к людям, которые сами относились ко всем в высшей степени высокомерно. Тем не менее, кроме субкомментария к *Документам*, он задействовал субкомментарии двух Люев к *Песням* и *Цзо чжуань*. В предисловии к *Мао ши чжэн и 毛詩正義* («Выправленный смысл “*Песен* [в версии господина] Мао”») критика Кун Инда направлена на неравномерную подробность субкомментария и на неуважение к трудам предшественников: «Среди тех, кто в последнее время составлял субкомментарии к смыслу [*Песен*] были Цюань Хуань, Хэ Инь, Шу Юань, Лю Гуйсы, Лю Чоу, Лю Чжо, Лю Сюань и другие. [Лю] Чжо и [Лю] Сюань – великие умы, [способные к] литературе, а при этом ученые-конфуцианцы, [их таланты] разрослись моментально и мчались, рвя узду, тысячи ли. Хотя все конфуцианцы стараются друг другу вежливо уступить, ныне им [двоим] нет равных, поэтому субкомментарии, что они написали, особенно выделяются свои превосходством. Нынче было получено повеление сократить и исправить [канон и комментарии], поэтому за основу взяли их книги. Однако Чжо и Сюань опирались на свои дарования, презирали предшествующие поколения, объединяли то, что было различно и разделяли то, что было едино; то, что должно быть кратким, наоборот, объясняли в деталях, а то, что требовало подробностей – сокращали. Проверая их принципы [критики чужих работ], [выясняем, что] и они не избежали ошибок, а [там, где они] друг с другом согласны, тоже порой отступают. Ныне [мы] сократили то, что было слишком многословно, прибавили там, где было кратко – исходили только из соображений правоты и неправоты, в сердце не держали ни пристрастий, ни предубеждений» [МШЧИ, Сюй/261].

В предисловии к *Чуньцю Цзо чжуань чжэн и 春秋左傳正義* («Выправленный смысл комментария [господина] Цзо к *Чуньцю*») Кун Инда, снова признавая выдающийся талант Лю Сюаня, обрушивается с критикой на его неуважение к Ду Юю и на невыдержанность стиля комментария: «На сегодняшний день имеются субкомментарии к смыслу [*Цзо*] за авторством Шэнь Вэнь[а], Хэ Сю, Су Куана и Лю Сюаня. Однако [если] идеи господина Шэня еще кое-как сгодятся, то [по отношению к] канону и *чжуани* он чрезвычайно поверхностен. [Сочинения] господина Су совершенно невнимательны к основному тексту, лишь постоянно отклоняется и критикует Цзя [Куя] и Фу [Цяня]. [Это] заставляет подрастающее поколение “сверлить [твердое] и взирать на [высокое]”²⁶ безо всякого успеха. Среди перечисленных господ Лю Сюань в самом деле является выдающимся талантом. Действительно, [его] ум и

²⁶ «Сверлить [твердое] и взирать на [высокое]» – значит углубляться в изучение предмета и убеждаться в его непреложности. Выражение происходит из [ВСДЛ, 2/12].

широта знаний, несомненно, не знали себе равных. Однако [только] в поисках сокровенного [знания] и в доискивании до глубокого [смысла] невозможно далеко уйти. Где канон и комментарии просты, там [он] непременно украшал [текст] витиеватыми оборотами. Где смысл труден, там [он] не проникал в суть. Кроме того, его помыслы свелись к зазнайству, по характеру он любил порочить [предшественников]. Исправлял ошибки господина Ду, всего – сто пятьдесят с лишним случаев. [Сам всему] научился у Ду [Юя], и против него же и обратился! Это подобно тому, как насекомое, рожденное на дереве, возвращается и съедает это дерево. В высшей степени не соответствует порядку» [ЧЦЦЧ, Суй/1698].

Таким образом, именно после введения сборника *У цзин чжэн и* в активное использование в качестве нормативного учебного пособия и базиса для каноноведческой деятельности при Тан, официальный авторитет северной школы был подорван, даже несмотря на то, что на практике северные субкомментарии были самыми многочисленными и ценными из числа тех, с которыми сверялась комиссия при составлении сборника.

Показательным примером развития этой ситуации служит более поздняя династийная история *Синь Тан шу*, которая, затушевывая момент проверки Кун Инда, лишь сообщает, что в итоге Лю Чжо «уважительно убоился» его [СТШ, 198/5643]. Ко времени составления *Синь Тан шу*, позиция, изложенная Кун Инда в предисловиях к *чжэн и*, уже стала устойчивым источником для оценки Северного и Южного направлений конфуцианства, поэтому история в *Синь Тан шу* тоже приобрела новый оттенок. Ведь если сам Лю Чжо, один из основных представителей северной школы не смог ничего противопоставить юному гению Кун Инда, то это подтверждало второстепенную значимость всей северной экзегетики. Учитывая детали, которые известны о надменном характере Лю Чжо, то, что он «убоялся» молодого человека в высшей степени маловероятно и расходится со свидетельством *Цзю Тан шу*, а это изменение в источнике показывает, как память о северной традиции уже к XI в. была изменена и дискредитирована.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная задача настоящей статьи состояла в выявлении проблемного поля северной экзегетической школы в эпоху Южных и Северных династий, при Суй и в начале Тан. Сумма политических и культурных факторов привела к тому, что северяне продолжили работать в рамках ханьской экзегетической парадигмы, используя ханьские комментарии в качестве базовых, что подразумевало методологическую зависимость от ханьской экзегетики (особенно это касалось уклона в текстологию). В конце периода Северных династий и при Суй началось слияние северной и южной традиции, сменилась диспозиция при дворе, появились эрудиты, объединявшие в себе как южную, так и северную ученость.

В ходе анализа причин кризиса и заката северной экзегетической школы, был выявлен феномен расхождения между официальным предпочтением южных субкомментариев и практическим использованием северных. То есть, по всей вероятности, к критике северной школы привел целый комплекс объективных и субъективных причин.

К субъективным относится то, что глава редакционной комиссии *У цзин чжэн и* Кун Инда в юности учился у одного из ярчайших представителей северного каноноведения позднего периода – Лю Чжо, но их отношения закончились обидой молодого человека на высокомерное отношение к нему наставника. Впоследствии в предисловиях к комментариям *чжэн и* Кун Инда будет не раз сводить счеты и критиковать своего неудавшегося наставника и его лучшего друга Лю Сюаня, который тоже безусловно сублимировал в себе многие характерные черты северной экзегетической традиции.

К объективным относится интеллектуальная диспозиция после объединения Китая при Суй и далее, при унификации и стандартизации канонических текстов при Тан: на Юге

были несравненно более развиты литература и философия, на Севере – собственно текстология. В ходе компиляции сборника *У цзин чжэн и*, признать, что северная экзегетика предпочтительнее южной, означало бы если не аннуляцию, то, во всяком случае, очень серьезную переоценку интеллектуальных установок, подрывавшую авторитет культуры, которая при Тан уже успела занять главенствующее положение (как по количеству южан при дворе, так и по направлению интеллектуальной деятельности).²⁷ С методологической точки зрения ограничение идеалами восточноханьской экзегетики для раннетанских ученых также было неприемлемо. Вместе с тем, за отсутствием лучших текстологических исследований, отказаться от северных комментариев было трудно, что привело к тому, что они были оставлены в статусе консультирующе-дополняющих, а не основных.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Бэй Ци шу 北齊書 (Книга [династии] Северная Ци). Сост.: Ли Байяо 李百藥. В 2 тт. Пекин: Чжунхуа, 1972. [*Bei Qi shu* 北齊書 (*Book of Northern Qi*). Comp.: Li Baiyao 李百藥. In 2 vols. Beijing: Zhonghua, 1972 (in Chinese)].

Бэй ши 北史 (История Северных [династий]). Сост.: Ли Яньшоу 李延壽 (эп. Тан) и др. В 10 тт. Пекин: Чжунхуа, 1974 [*Bei shi* 北史 (*History of the Northern Dynasties*). Comp.: Li Yanshou 李延壽 (ep. Tang) et al. In 10 vols. Beijing: Zhonghua, 1974. (in Chinese)].

Вэй шу 魏書 (Книга [династии Северная] Вэй). Сост.: Вэй Шоу 魏收. В 8 тт. Пекин: Чжунхуа, 1974 [*Wei shu* 魏書 (*Book of Wei*). Comp.: Wei Shou 魏收. In 8 vols. Beijing: Zhonghua, 1974. (in Chinese)].

Цзэн дин Вэнь синь дяо лун цзяо чжу (ВСДЛ) 增訂文心雕龍校注 (Дополненный и исправленный “Резной дракон литературной мысли”, сверенный и комментированный). Сост.: Лю Се 劉勰, комм.: Хуан Шулинь 黃叔琳, доп. комм.: Ли Сян 李詳. Пекин: Чжунхуа, 2016 [*Zengding Wenxin diaolong jiaozhu* 增訂文心雕龍校注 (*An Annotated Edition of “The Literary Mind and the Carving of Dragons” Edited and Commented*). Comp.: Liu Xie 劉勰, comment.: Huang Shulin 黃叔琳, add. comment.: Li Xiang 李詳. Beijing: Zhonghua, 2016 (in Chinese)].

Ли цзи чжэн и (Ли цзи) 禮記正義 (Выправленный смысл Лицзи). Комм.: Чжэн Сюаня 鄭玄, субкомм.: Кун Инда 孔穎達 и др. *Шисаньцзин чжу шу*. Ред.: Жуань Юань 阮元. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2017. С. 1221–1696 [*Liji zhengyi* 禮記正義 (*Corrected Meaning of the Book of Rites*). Comment.: Zheng Xuan 鄭玄, subcomment.: Kong Yingda 孔穎達 et al. *Shisanjing zhushu*. Ed.: Ruan Yuan 阮元. Shanghai: Shanghai guji, 2017. Pp. 1221–1696 (in Chinese)].

Синь Тан шу (СТШ) 新唐書 (Новая книга [о династии] Тан). Сост.: Оуян Сю 歐陽修 и др. В 20 тт. Пекин: Чжунхуа, 1975 [*Xin Tang shu* 新唐書 (*New Book of Tang*). Comp.: Ouyang Xiu 歐陽修 et al. In 20 vols. Beijing: Zhonghua, 1975 (in Chinese)].

Суй шу 隋書 (Книга [о династии] Суй). Сост.: Вэй Чжэн 魏徵 и др. В 6 тт. Пекин: Чжунхуа, 1982 [*Sui shu* 隋書 (*Book of Sui*). Comp.: Wei Zheng 魏徵 et al. In 6 vols. Beijing: Zhonghua, 1982 (in Chinese)].

Цзю Тан шу (ЦТШ) 舊唐書 (Старая книга [об эпохе] Тан). Сост.: Лю Сюй 劉昫 и др. В 16 тт. Пекин: Чжунхуа, 1975 [*Jiu Tang shu* 舊唐書 (*Old Book of Tang*). Comp.: Liu Siui 劉昫 et al. In 16 vols. Beijing: Zhonghua, 1975 (in Chinese)].

Чуньцю Цзо чжуань чжэн и (ЧЦЦЧ) 春秋左傳正義 (Выправленный смысл «Комментария [господина] Цзо к “Веснам и осеням”»). Комм.: Ду Юй 杜預, Кун Ин-да 孔穎達 и др. *Шисаньцзин чжу шу*. Ред.: Жуань Юань 阮元. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2017. С. 1697–2188 [*Chunqiu Zuo zhuan zheng yi* 春

²⁷ В *Суй шу*, например, в разделе «Литература» приводится сравнение южной и северной традиций, где говорится, что южная словесность славна изяществом и красотой, а северная – сильна по содержанию, поэтому их надо объединить, используя сильные стороны обеих сторон, чтобы получить уточненную литературу с глубоким содержанием [*Суй шу*, 76/1730]. То есть в любом случае, южная форма и общий стиль признаются основными, которые имеет смысл дополнить «северной практичностью и твердостью» [*Суй шу*, 76/1730].

秋左傳正義 (*Corrected Meaning of "Chunqiu Zuo zhuan"*). Comment.: Du Yu 杜預, Kong Yingda 孔穎達 et al. *Shisanjing zhushu*. Ed.: Ruan Yuan 阮元. Shanghai: Shanghai guji, 2017. Pp. 1697–2188 (in Chinese)].

Чуньцю Цзо-ши чжуань ши и ши и (ШИШИ) 春秋左氏傳述義拾遺 (*Собранные фрагменты "Изложения смысла Чуньцю Цзо-ши чжуань"*). Сост.: Чэнь Сицинь 陳熙晉. Цуньшу цзичэн сюйбянь. Т. 270. Тайбэй: Тайбэй синь вэнь фэн, 1988. С. 479–593 [*Chunqiu Zuo-shi zhuan shuyi shiyi* 春秋左氏傳述義拾遺 (*Collected Fragments of "Narrating the Meaning of the "Master Zuo's Spring and Autumn"*). Comp.: Chen Xijin 陳熙晉. *Congshu jicheng xubian*. Vol. 270. Taipei: Taipei xin wen feng, 1988. Pp. 479–593 (in Chinese)].

Шан шу чжэнь и (ШШЧИ) 尚書正義 (*Выправленный смысл «Древних документов»*). Комм.: Кун Инда 孔穎達 и др. Шисаньцзин чжу шу. Ред.: Жуань Юань 阮元. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2017. С. 109–258. [*Shang shu zhengyi* 尚書正義 (*Corrected Meaning of the "Esteemed Documents"*). Comment.: Kong Yingda 孔穎達 et al. *Shisanjing zhushu*. Ed.: Ruan Yuan 阮元. Shanghai: Shanghai guji, 2017. Pp. 109–258 (in Chinese)].

Юйхань шаньфан цзи и шу (ЮХШ) 玉函山房輯佚書 (*Собрание утраченных книг из горной обители Юйхань*). Сост.: Ма Гохань 馬國翰. В 4 тт. Шанхай: Шанхай гуцзи, 1990 [*Yuhan shanfang jiyishu* 玉函山房輯佚書 (*The Jade-Case Mountain Studio Collection of Lost Books*). In 4 vols. Shanghai: Shanghai guji, 1990 (in Chinese)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бонч-Осмоловская О.А. Конфуцианский комментарий в эпоху Хань. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 17–36 [Bonch-Osmolovskaya O.A. Confucian Commentary during the Han Period. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Historical sciences*. 2020. Vol. 6 (72), No. 1. Pp. 17–36 (in Russian)].

Бонч-Осмоловская О.А. Кризис ханьского канонovedения и экзегетические тенденции в царстве Цао-Вэй. *Китай: общество и культура*. 2021. № 1 (в печати) [Bonch-Osmolovskaya O.A. The Crisis of Han Classical Scholarship and Exegetical Trends in the Kingdom of Wei. *China: Society and Culture*. 2021. No. 1 (forthcoming) (in Russian)].

Кравцова М.Е. К проблеме Средневековья в Китае. *Verbum. Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры*. 2010. Вып. 12. С. 45–57 [Kravtsova M.E. On the Problem of Chinese Middle Ages. *Verbum. Dispositions of the Middle Ages in the History of World Culture*. 2010. Iss. 12. Pp. 45–57 (in Russian)].

У Яньнань 吳雁南. *История китайского канонovedения*. Пекин: Жэньминь, 2010 [Wu Yannan. *History of Chinese Classical Scholarship*. Beijing: Renmin, 2010 (in Chinese)].

Цзяо Гуймэй 焦桂美. *История канонovedения в период Южных и Северных династий*. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2009 [Jiao Guimei. *History of Classical Scholarship during the Southern and Northern Dynasties Period*. Shanghai: Shanghai guji, 2009 (in Chinese)].

Farmer J.M. Classical Scholarship in the Shu Region. *Early Medieval China: A Sourcebook*. New York: Columbia University Press, 2014. Pp. 108–124.

van Ess H. The Old Text/New Text Controversy. Has the 20th Century Got It Wrong? *T'ong Pao*. 1994. No. 80. Pp. 146–170.

Nylan M. The "Chin Wen/Ku Wen" Controversy in Han Times. *T'ong Pao*. 1994. No. 80. Pp. 83–145.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ Ольга Андреевна – младший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Olga A. BONCH-OSMOLOVSKAYA, Junior Research Fellow, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.